

VI. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1945–1947

В ближайшие после окончания войны годы развернулась интенсивная работа по залечиванию зияющих ран и страшных разрушений, оставшихся от блокады во всех сторонах жизни, во всех частях и уголках строительства Ленинграда. В этих условиях я продолжал свою профессорско-преподавательскую деятельность: читал лекции на лечебном и санитарном факультетах и руководил кафедрой организации здравоохранения во 2-м Медицинском институте, в Мечниковской больнице. В то же время всё увеличивалась моя лекционная нагрузка и в Институте для усовершенствования врачей. Здесь я не только проводил несколько циклов в год для жилищно-коммунальных санитарных врачей, но и читал специальные курсы по планировке и благоустройству, по восстановлению населённых мест, оздоровлению и санитарной мелиорации территории на циклах общесанитарных врачей, для врачей-эпидемиологов, а также читал курс гигиены больничных учреждений на клинических циклах.

Тогда же я отдавал много времени организации и работе методического отдела в Институте гигиены на улице Мира, ведущими сотрудниками которого были сначала А. П. Омельченко¹ и В. И. Шафран, а затем, после демобилизации — Б. С. Сигал². Мы работали над разработанным мною проектом устройства показательного квартала. В качестве председателя Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОВГО), я готовил все необходимые материалы для работы правления и заботился об освещении на заседаниях Общества текущих вопросов санитарного дела и гигиены. Кроме того, я систематически участвовал в работе консультативного бюро по санитарной статистике при Горздраве, которым

---

¹ Омельченко Александр Павлович — известный петербургский врач-психиатр и гигиенист, писатель, драматург, критик и публицист. Занимался проблемами психологии художественного творчества.

² Сигал Борис Самойлович — профессор, с 1946 заведующий кафедрой истории медицины ЛСГМИ. В 1949 заменил З. Г. Френкеля, возглавив объединённую кафедру организации здравоохранения и истории медицины.

заведовала моя дочь Зинаида Шнитникова. Как обычно, во все дни ранние утренние часы я отдавал физическому труду на «Полоске». Все эти работы и вся внутренняя моя жизнь в эти годы проходила под гнетущим постоянным воздействием мучительных тревог в связи с тяжёлой болезнью Любобы Карповны и обострением туберкулёзного процесса у Любочки.

Значительным событием в этот период явилось избрание меня на первой сессии только что впервые учреждённой в 1944 г. Академии медицинских наук СССР (АМН) её действительным членом. Хотя при выдвижении кандидатур в члены АМН я стоял на первом месте в списках, выдвинутых не только ЛОВГО, но и советом консультантов Научно-методического бюро, и Учёного совета ГИДУВа, однако, я не придавал серьёзного значения этому выдвижению, так как считал, что в Москве решать будут те, для кого неприемлемо моё объективное отстаивание исторической преемственности у нас основ советского здравоохранения от общественного санитарного направления... И признаюсь, для меня было большой неожиданностью полученное в ноябре 1945 г. сообщение об избрании меня 30 октября действительным членом АМН СССР.

В январе 1946 г. я первый раз участвовал в сессии Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН. Сессия эта проходила с 23 по 31 января 1946 г. в Москве, в помещении Института гигиены труда. Организующим ядром секции в эту сессию была небольшая группа учёных, в которую кроме Н. А. Семашко входили всегда деловитый Ф. Г. Кротков¹; не всегда отдающий себе верный отчёт об относительном значении своего научного веса и заслуг перед советской медициной и советским здравоохранением И. Д. Страшун² и микробиолог Л. А. Зильбер³.

Я чувствовал потребность высказать признательность за моё избрание и истолковать это избрание, как проявление внимания к истокам общественно-профилактического направления, изучению и развитию которых посвящены были мои работы в течение десятков лет. С этого выражения моей благодарности я и начал своё выступление по первому отчётному докладу академика-секретаря Ф. Г. Кроткова. Между прочим, я указал на явный пробел в составе членов Отделения гигиены АМН в связи с отсутствием в числе его действительных членов С. Н. Строганова, ведущего выдающегося исследователя и наиболее авторитетного учёного в области гигиены обезвреживания и очистки сточных вод. То обстоятельство, что С. Н. Строганов не был врачом по образованию, не могло и не должно было служить препятствием к тому, чтобы своим участием в составе членов Отделения гигиены АМН он увеличивал бы авторитетность и компетен-

---

¹ Кротков Фёдор Григорьевич (1896–1988) — генерал-майор медицинской службы, гигиенист, специалист по гигиене питания, военной, авиационной и радиационной гигиене.

² Страшун И. Д. — видный организатор советского здравоохранения и крупный историк медицины; один из организаторов Российского научного общества истории медицины и первый его председатель; академик АМН СССР.

³ Зильбер Лев Александрович (1894–1966) — российский микробиолог и иммунолог. Заложил основы иммунологии рака.

цию АМН в существенно-важной области гигиены. Я напомнил, что, ведь, и Луи Пастер, и И. И. Мечников тоже по образованию не были врачами.

В этот мой приезд в Москву я познакомился ближе с очень симпатичными работниками Института гигиены труда — Зиновием Борисовичем Смянским¹ и Л. К. Хоцяновым². Меня очень интересовала работа последнего по изучению смертности и рождаемости в одном посёлке Московской области. Побывал я и в Институте им. Эрисмана. С особым удовольствием познакомился с молодым учёным-демографом, автором книги «Население Европы за тысячу лет» — Б. Ц. Урланисом³.

В этот же приезд совершил я поездку с постоянным моим проводником по Москве — Женечкой Левицкой⁴ для осмотра новых станций московского метро по Измайловскому радиусу. Богатое архитектурно-художественное оформление станций столичного метрополитена у меня всегда вызывало восхищение. Охотно признаю и обоснованность, и уместность такого оформления в Москве, но со всею категоричностью возражаю против огромной дополнительной затраты средств на такое же дорогое оформление сооружений для массового пользования и в других городах, где нужда в сооружениях назрела, а большие затраты, связанные с их осуществлением, являются помехой и ведут к откладыванию в долгий ящик их осуществление.

Зима 1946 г. была суровой, с сильными метелями и вьюгами. По возвращении из Москвы после окончания сессии АМН каждый день торопился я попасть без опоздания на лекцию в Мечниковскую больницу. Добравшись на одном трамвае до берега Невы на Охте, приходилось здесь долго ждать другого трамвая, чтобы ехать ещё четыре–пять километров за городом по открытым пустырям и полям до больницы. Появлялся, наконец, трамвай желанного маршрута. Все бросались к переполненным до отказа вагонам. В невыносимой давке на площадке или подножке проезжал я эти тяжёлые километры, простуживался, изнемогал и всякий раз думал о возмутительной нелепости этого вынесения далеко за город учреждения, в которое и обслуживаемые (студенты, больные) и обслуживающие (врачи, преподаватели, профессора) должны ежедневно проделывать туда и обратно путь в 10–15 километров. Слишком много было заседаний, учёных советов и во 2-м ЛМИ, и в ГИДУВе, и в Институте гигиены. Редкий день удавалось мне вернуться домой раньше 10–11 часов вечера.

Известное удовлетворение давали мне еженедельные заседания совета научных консультантов в Методическом бюро санитарной статистики при

---

¹ Смянский З. Б. — специалист по профилактике промышленной токсикологии.

² Хоцянов Л. К. — академик АМН СССР, автор учебника «Гигиена труда» (М., 1958). Занимался развитием отечественных систем отопления и вентиляции для многоэтажного жилищного строительства.

³ Урланис Борис Цезаревич (1906–1981) — выдающийся отечественный демограф, автор фундаментальных исследований по проблемам народонаселения в России, СССР, в странах Европы и США.

⁴ Левицкая Евгения Игоревна — внучка сестры Захария Григорьевича — Евгении Григорьевны Левицкой.

Горздраве. Это была бесспорная заслуга моей дочери Зиночки, заведовавшей этим бюро, что в заседаниях по средам систематически освещались вопросы об использовании отчётных и демографических материалов для оценки санитарного состояния населения. Систематически обсуждались доклады С. А. Новосельского и его сотрудников по статистической методике, сообщения о ходе разработки и анализа годовых сводок отчётов учреждений здравоохранения и пр. Много труда вкладывал и я в составление общих обзоров годовых отчётов больниц и поликлиник Ленинграда, обзоров результатов однодневных переписей больных в стационарах, анализа паспортизации больниц и пр.

Работа в Методическом бюро и участие в заседаниях по средам были хорошей школой для моего нового молодого сотрудника М. Ю. Магарила, аспиранта по кафедре организации здравоохранения 2-го ЛМИ. Руководство его подготовкой доставляло мне удовлетворение, так как он проявлял большой интерес к избранной им области, настойчивость и склонность к самостоятельному научному труду¹. В то же время он, как и другой сотрудник мой по кафедре организации здравоохранения в годы войны и в послевоенные годы — С. Е. Цеймах, располагал к себе своею правдивостью, искренностью, прямоотой и исключительной добросовестностью в своей общественной, учебной и научной работе.

В марте 1946 г. я получил приглашение явиться в Мариинский дворец, в Исполком Ленсовета, где мне была вручена грамота Заслуженного деятеля науки РСФСР.

В конце мая этого года состоялась общая сессия АМН в Москве. Пребывание моё на ней памятно мне потому, что благодаря Фёдору Давидовичу Маркузону² я имел возможность видеться, увы, в последний раз, с Николаем Петровичем Васильевским. Фёдор Давидович пригласил к себе Николая Петровича и приурочил к его приходу также и моё посещение. Николай Петрович сохранил всегдашний свой интерес к общественно-санитарному делу, добросовестно работал в одном из отделов промышленно-санитарного надзора, хотя его работе сильно мешало резкое снижение слуха и зрения. Он был искренне рад встрече со мной. Я напомнил ему о моём посещении его в Одесском санитарном бюро, созданном и руководимом им почти столетия тому назад, о выработанных им и одобренных Пироговским съездом основах правильного построения санитарного дела в городах; вспомнил и о нашей последней совместной работе в 1917–1918 гг. в Центральном врачебном совете. Николай Петрович живо интересовался нашими общими прежними знакомыми, большинства которых, если не всех, уже давно не было в живых. Это была последняя моя встреча с большим учёным. Расставаясь с ним, я уносил какое-то ноющее чувство.

¹ Впоследствии Михаил Юрьевич Магарил занимался проблемами долголетия, физиологии и патологии старости.

² Маркузон Фёдор Давидович (1884–1957) — сотрудник Института труда им. Обуха и Института им. Эрисмана, специалист по санитарной статистике и статистике социального страхования, статистике труда в целом. Автор многих трудов по этим проблемам.

Свободный от заседаний в АМН воскресный день я провёл на замечательной строительной выставке. В высшей степени ценные модели крупных восстановительных работ и неисчерпаемые богатства образцов оборудования, приборов, установок и механизмов на этой обширной, постоянно обновляемой выставке, к сожалению, мало использовались при подготовке строительного и санитарно-технического персонала.

Накануне моего отъезда из Москвы я получил письмо от Бориса Борисовича Веселовского, бывшего в то время директором Академии коммунального хозяйства. Он просил меня на следующий день сделать в Академии сообщение о ходе и задачах восстановления Ленинграда. Я охотно исполнил эту просьбу и подробно рассказал о гигантских размерах разрушений в Ленинграде, его зданий, учреждений, сооружений коммунального хозяйства, об образовавшихся во многих районах пустырях от сноса деревянных построек, а также и о фактически начавшемся и всё ускоряющемся ходе восстановительных работ. С горечью переживая бесплановость ведущейся застройки пустырей, я выдвинул ряд предложений о возможной рационализации восстановительных работ. Несколько часов тянулась оживлённая беседа, пока не настало время мне спешить на поезд. Но я вынес впечатление, что, к сожалению, в Москве, как и в Ленинграде, умами владеют, прежде всего, вопросы «архитектурно-художественного оформления» проектов и самого строительства, а не скорейшая, наиболее экономически и технически доступная реконструкция старых зданий и создание в них удобных и здоровых жилищных условий.

В это лето по приглашению ленинградского Дома санитарного просвещения я прочёл ряд лекций о задачах гигиены и благоустройства при проведении восстановительных работ в Ленинграде.

В сентябре же я был вновь приглашён в Мариинский дворец, где мне был вручён орден Трудового Красного Знамени в связи с 50-летним юбилеем моей общественно-санитарной работы (с 15 марта 1896 г. по 15 марта 1946 г.)

Конец октября и начало ноября я опять провёл в Москве на сессии АМН. В этот период, невзирая на чрезвычайную перегрузку заседаниями и работой в различных комиссиях, я, по настоянию Фёдора Давидовича Маркузона, навестил вместе с ним не выходящего из дома после перенесённого инсульта Альфреда Владиславовича Молькова. За ним трогательно ухаживала Мария Николаевна. Альфред Владиславович с видимым вниманием и интересом слушал рассказы о делах в АМН. Он понемногу занимался или хотел думать, что занимается, собиранием материалов по истории советского здравоохранения (в основном фотоснимков и портретов). Тяжело и тоскливо становилось на сердце. Это было моё последнее свидание с А. В. Мольковым. Впечатления от свидания заслоняли собою прежний его образ — образ человека, упорно и неутомимо стремившегося пробудить и поддержать огонь служения делу оздоровления населения, делу воспитания кадров общественно-санитарных работников, борца за упрочение социальной гигиены и социально-профилактической системы советской медицины.

Последние месяцы в этом году протекали у меня в исключительно напряжённой лекционной работе и в составлении неотложных записок и

докладов. Внутреннее состояние моё характеризовалось в этот период пестрящими в моих тетрадях записями такого рода, как, например, запись от 19 ноября 1946 г.: «Среди самой неотложной занятости и напряжённого внимания перед докладами, основной фон моего самочувствия — ненадёжность здоровья, боли, отдающие в левое плечо, неуверенность в жизни, ни на минуту не оставляющее меня чувство неуловимо тонкой грани, отдающей меня от конца жизни».

В декабре 1946 г. в Ленинград приезжал на несколько дней Н. А. Семашко. В то время он был занят подготовкой к печати и изданием небольшой работы, в которой подводил некоторые общие итоги развития и построения основ советского здравоохранения. Бесспорно, Н. А. Семашко, как первый нарком здравоохранения, имел совершенно объективные заслуги в строительстве системы советского здравоохранения на санитарно-профилактических основах. В своё время я подробно останавливался на этом в своей статье о районном медицинском участке¹. В ней показана историческая преемственность профилактических основ советского здравоохранения, явившихся продолжением санитарного направления, оформившегося со времени Е. А. Осипова и Ф. Ф. Эрисмана, М. С. Уварова, П. И. Куркина, В. А. Левицкого, С. Н. Игумнова² и других. После Отечественной войны Н. А. Семашко находился в той полосе жизни, когда он испытывал некоторую субъективную потребность обобщения итогов жизненной деятельности. Он с большой готовностью отозвался на моё предложение сделать доклад на тему о теоретических основах советского здравоохранения в Ленинградском отделении ВГО. Было спешно организовано заседание Общества в Большом зале Дома санитарной культуры. Собрание было очень многолюдно. Николай Александрович был встречен дружными аплодисментами. Открывая заседание, я напомнил об участии Н. А. Семашко в качестве наркомздрава в заседании нашего общества более 20 лет тому назад. Сам доклад его, однако, не вызвал надлежащего интереса. Николай Александрович читал его по корреktированным листам и очень затянул это чтение.

Весь 1947 г. проходил для меня под знаком постоянных тяжёлых тревог за всё ухудшавшееся состояние здоровья Любви Карповны. На почве гипертонической болезни приступы её страданий от стенокардии и от лёгочных осложнений всё усиливались. Часто наступало удушье. Нужно было доставать подушки с кислородом. Любовь Карповна ослабела, оставалась одна в своей комнате, когда все уходили на работу. Много читала. Непрерывно и сосредоточенно думала и передумывала... Несколько раз при очень тяжёлом состоянии, по желанию больной, её помещали в больницу. Неусыпный уход мало-помалу давал результаты.

Мой день складывался так, что после ранних утренних часов традиционных хозяйственных работ я с 9–10 часов до 12–13 часов читал лек-

¹ Врачебная газета. 1929. № 21.

² Игумнов Сергей Николаевич (1864–1942) — земский санитарный врач, брат пианиста К. Н. Игумнова; участник борьбы с холерой, тифом, голодом. Заведовал санитарным бюро Харьковского губернского земства. Был также поэтом, публицистом.

ции в ГИДУВе, затем торопился на трамваях в Мечниковскую больницу на свою кафедру. Нередко приходилось оставаться там на заседаниях комиссий и Учёного совета до 9–10 часов вечера. Если же Учёного совета не было, то я торопился попасть (три раза в неделю) на ул. Мира в Научно-исследовательский институт гигиены; в нём я заведовал организационно-методическим отделом. Возвращаясь в 6–7 часов вечера с Петроградской стороны, я заходил к Любви Карповне в больницу. Сколько облегчения было, когда я видел, что больной лучше.

В январе 1947 г. у меня возродилась надежда добиться выхода в свет книги об удлинении средней продолжительности работоспособной жизни и деятельной старости в издании Академии медицинских наук. Вышедшее в 1945 г. издание этой книги очень быстро разошлось; меня оно не удовлетворяло совершенно произвольными, сделанными против моего желания, сокращениями при печатании. Тщательно разработанная мною программа социального обследования стариков для накопления хорошо проверенного материала об условиях, благоприятствующих более долголетней жизни и более длительному сохранению полной дееспособности, в издании была совсем выпущена без моего ведома и согласия.

Задавшись целью добиться переиздания книги в менее искажённом и изувеченном виде, я принялся за подготовку её к новому изданию. Клету эта работа была мною закончена, и мне удалось подписать договор с книгоиздательством Академии медицинских наук о переиздании книги в дополненном и расширенном виде. Я спешно сдал рукопись в книгоиздательство.

В моей работе над книгой меня воодушевляли многочисленные отклики на незадолго перед тем вышедшее в 1946 г. малотиражное издание ГИДУВа (2 тыс. экз.). В очень короткий срок всё издание разошлось, и ко мне стали поступать одно за другим письма от знакомых и совсем незнакомых мне санитарных врачей, и других советских людей с просьбой оказать им содействие в получении книги. Несколько выдержек из сохранившихся у меня таких писем могут объяснить моё стремление ускорить появление книги в новом, улучшенном издании. К большому моему огорчению, однако, новый вариант книги в издании АМН вышел только два года спустя. Причём, и на этот раз не в расширенном, а в ещё более урезанном и произвольно изувеченном при «редактировании» виде. Тем не менее, после выхода в свет нового тиража работы «Об удлинении жизни и деятельной старости» ко мне вновь стали поступать письма и заявления с просьбой оказать помощь в получении книги, потому что в книжных магазинах она мгновенно разошлась. Все такие жалобы я направлял в издательство АМН. Уже в 1951 г. я получил от издательства уведомление, что всё издание разошлось. Между тем я получал ещё более многочисленные запросы на книгу, не только одиночные, но и коллективные. Приведу несколько из случайно сохранившихся писем.

Из Новосибирска: «...С большим интересом мы, сотрудники кафедры общей гигиены Новосибирского мединститута и Института для усовершенствования врачей, прочли Вашу книгу. Долго её обсуждали. Всем нам, во главе с заведующим кафедрой профессором Пулькис В. А., она очень понравилась. <...> Хочется искренне поблагодарить Вас за то удоволь-

стве, которое получаешь, читая её. К сожалению, мы лишены возможности купить в личное пользование книгу. Всемерные усилия не увенчались успехом... Это побуждает обратиться с просьбой, если у Вас имеется к тому возможность, послать один экземпляр наложенным платежом. Иметь Вашу книгу желают все мои товарищи. Н. В. Михайлова».

Из Свердловской области: «От имени коллектива 32 врачей, работающих на крайнем севере Урала, среди которых много Ваших учеников, обращаюсь к Вам с просьбой дать указание о высылке для нас наложенным платежом Вашей книги «Удлинение жизни и активная старость». Все наши попытки получить эту книгу оказались безуспешными. А. Шапиро».

«Окажите содействие в получении книги «Удлинение жизни и активная старость», — писал зав. статистическим кабинетом Куйбышевского областного Института охраны материнства и младенчества.

«Обращаюсь с просьбой помочь получить Вашу книгу. До наших уральских мест она не дошла. Книга эта очень нужна. Город Молотов, проф. Ершов Г. Ф.».

Такая же просьба содержалась в письмах Г. М. Желябовского (Саратовский Мединститут), заведующего кафедрой организации здравоохранения В. М. Зайцева (Ижевский Мединститут), профессора А. Г. Хмаладзе (Тбилиси), профессора И. М. Булаева (Куйбышевский Мединститут), доцента Киселёва (Москва) и многих, многих других медицинских работников.

В послевоенные годы с особой остротой нарастал разрыв между общепризнанными элементарными требованиями больничной гигиены, вошедшими в советское санитарное законодательство, и всё более низко падавшим уровнем фактического больничного благоустройства, всё более ярко выступавшим отрицанием хотя бы минимальных гигиенических нормативов в устройстве и повседневном содержании больничных учреждений.

При изучении материалов проведённой в Ленинграде и в Ленинградской области паспортизации больничных учреждений, можно было убедиться, что только как очень редкое исключение встречается соблюдение элементарного требования обеспечения в палатах минимума в 7–8 кв. м на одну кровать. Обычно же скученность в палатах достигает такой степени, что на одну кровать приходится в среднем всего лишь 4 кв. м, а в очень многих больницах и того меньше. Такое попрание требований больничной жизни приучает и врачей, и весь персонал по уходу за больными, и, что всего хуже, — и студентов-практикантов, к полному пренебрежению к созданию санитарно-гигиенической обстановки для больных, этой основы всего профилактического направления.

К полному забвению приходит среди лечащих врачей с такой убедительной простотой сформулированное ещё в 1876 г. в книге Е. А. Осипова «Об устройстве сельских больниц» положение: «Когда речь ведётся об устройстве лечебниц, сама собою должна разумеется гигиеническая обстановка для больных, за которой остаётся гораздо большая целительная сила, чем за медикаментами».

Анализ материалов больничной паспортизации в 1947 г. показал мне неотложность самой серьёзной борьбы с игнорированием больничной гигиены в клиниках и больницах. Вопрос этот постоянно волновал меня.

Помимо докладов в Научно-методическом бюро санитарной статистики, я сделал доклады о разрыве между требованиями гигиены и фактическим положением дела в больницах в ленинградском отделении Гигиенического общества, а затем на расширенном заседании Учёного совета ГИДУВа. Однако написанная мною статья на эту тему, посланная в редакцию «Врачебного дела», после долгих проволочек была возвращена по цензурным соображениям (с требованием исключить из неё фактические данные о разрыве между требованиями гигиены и положением дел в больницах). Каждый семестр я тщательно готовил и проводил общеинститутские лекции в ГИДУВе (для всех циклов) о значении и содержании гигиены больничного дела. Меня радовали проявления у моих слушателей понимания и интереса к созданию в больницах гигиенической обстановки.

В связи с подготовкой к новому изданию книги об удлинении жизни я вновь с удовольствием перечитывал одну из наиболее умных старых книг о старости — Ревейля. Его глава о нервной системе и органах высшей нервной деятельности очень созвучна экспериментально подтверждённому учению И. П. Павлова о центральной нервной системе, о коре головного мозга как органе выработки условных рефлексов, при посредстве которых устанавливаются временные связи организма с постоянно меняющейся внешней средой, с которой он составляет единство, черпая из неё всё необходимое для существования. Рецепторы, анализаторы, афферентная и эфферентная система — это то, что Ревейль называет системой «соотношения организма с внешней средой, со всем окружающим миром, в котором мы погружены». Меня занимал вопрос, знал ли И. П. Павлов и знают ли его сотрудники книгу и взгляды Ревейля?

В связи с моей сосредоточенностью на вопросах долголетия, у меня живой интерес вызвало в феврале 1947 г. письмо Ольги Авксентьевны Матюшенко (дочери Авксентия Васильевича Корчака-Чепурковского) об исполнении ему 90 лет. Вся его деятельность, как видного участника Пироговских съездов, организатора санитарного бюро в Бессарабской губернии и украинского гигиениста в советский период, протекала у меня на глазах и вызывала всегда большой интерес. Я сделал доклад в Научно-методическом бюро санитарной статистики о Корчаке-Чепурковском и его работах, и Бюро послало приветствие по поводу его 90-летия. Мне было приятно потом узнать, что это приветствие и моё личное дружеское письмо доставили удовольствие уже в то время оторванному от общественной работы юбиляру.

Как о невероятном курьёзе, совпавшем по времени с моим докладом о 90-летию Корчак-Чепурковского, упомяну, что один из слушателей моего доклада рассказал, будто бы в «Кабинете возрастной патологии» при Отделе судебно-медицинской экспертизы Ленгорздрава в то время был подтверждён случай вдвое большего, чем у Корчак-Чепурковского, долголетия, а именно — подтверждён возраст в 175 лет некоего Лемана. Было поразительно, что подобная явная нелепость совершенно пассивно повторяется, не вызывая возмущения. Я попросил из Отдела судебно-медицинской экспертизы подлинное дело и из него сделал извлечение о Михаиле Лемане, просившем удостоверить его возраст в 175 лет на основании пометки в его паспорте о дате его рождения в 1772 году. Эксперт

установил, что проситель имеет признаки очень пожилого возраста (облитерацию капилляров, складки и морщины), во всяком случае, более, чем 90 лет, а потому, сделал он вывод: нет оснований отрицать правильность записи о годе его рождения в 1772 г.». Я был возмущён этой нелепой, бессмысленной легендой. Познакомившись с Леманом лично, я записал свои впечатления в дневнике:

«Обследуемый — хорошо сохранившийся пожилой мужчина, довольно бодрый и живой. Читает без очков. Слышит хорошо. Прихрамывает на одну ногу. Говорит, что год рождения его 1772. Натурщик Академии Художеств, кустарь (по его словам), рисовал вывески, был электромонтёром. Хорошо, по его словам, помнит 1-е марта 1881 г. Обо всём другом — впечатление позднейшей заученности: Исаакиевский собор, наводнение 1824 г. («Медный всадник»). По физическому состоянию и интеллектуальному функционированию — человек лет 70–75, самое большее — 80. Был в эвакуации, а до апреля 1942 г. пережил всё тяжёлое время блокады и голода в Ленинграде (нужно этот период тщательно обследовать). В 1915 г. получил повестку явиться в воинское присутствие, как ополченец (в 143 года!?). Отец умер от туберкулёза. Помнит смерть матери. Давно умерли братья. Он один, по его словам, задержался в жизни. Просил посодействовать восстановлению у него телефона. Документов у него никаких достоверных нет. В паспорте записи с его слов. У меня не осталось никакого ясного впечатления — откуда и когда у него явилась фантазия стать 175-летним; были это индуцированный бред периода старческих причуд? В связи с чем он зародился и укрепился? В какой мере здесь «корыстная целевая установка» или слабоумие старческой изобретательной фантазии. Женат ли он? — Нет, он не женился, а «записался» в 1921 г. (когда ему было полтора года?) с «молоденькой» 70-летней женщиной, но ей и теперь что-то тоже вроде 75 лет (это очевидно нужно выяснить и обследовать). О супружеских отношениях: «...с нею — нет, нет, разумеется, об этом не было и речи, только некоторое хозяйственное удобство в жизни».

Вообще нужно обследование психиатра и Шерлока Холмса.

Затягивать свидетельствуемого — прослыть почти бессмертным. Я просил мою сотрудницу по Институту обследовать на дому условия жизни Лемана. Ей удалось найти в доме, где до войны 1941 г. жил Леман В. О., старую домовую книгу, где Леман записан родившимся не в 1772 г., а в 1882 г. Случайная ошибка при выдаче нового паспорта вызвала у Лемана глупую мысль прослыть 175-летним.

В марте 1947 г. я был командирован Ленинградским институтом коммунального хозяйства в Москву для участия в обсуждении в Госплане разработанного в ЛНИИКХе проекта ограждения города от наводнений. Основную часть проекта составляет сооружение дамбы от г. Ломоносова до острова Котлина и от Котлина до Лисьего Носа, с воротами для пропуска судов во время начального подъёма воды. Главные расходы в несколько сот миллионов рублей предусматривались в проекте на сложные металлические конструкции дамбы. Однако, при всех вариантах для ограждения от затопления при нагоне воды из моря, требовалась подсыпка низких частей Васильевского острова, Петроградской стороны, Кировского и некоторых

других районов на 1–2 метра. Расход на подсыпку составлял несколько десятков миллионов рублей.

Моё изучение подъёмов воды в Неве и затоплений более низких густо заселённых районов Ленинграда в 1908–1910 гг. оставило у меня убеждение, что фактически в осенние месяцы от нагонных затоплений больше всего страдает население от небольших подъёмов воды в 1 ½ – 2 ½ метра, крупные же наводнения с подъёмом воды до 3 ½–5 метров бывают относительно редко.

Очередность сооружения дамбы в проекте предусматривалась технически формально стройная: в ближайшую пятилетку постройка заводов для производства металлических конструкций и железобетонных изделий, затем строительство дамбы и, наконец, — через 5–10 лет — подсыпка. В Госплане я настойчиво отстаивал другую очередность: прежде всего, — осуществить подсыпку заниженных частей территории Ленинграда до отметок в 2–2 ½ метра над ординаром. Эта мера не требовала предварительного сооружения заводов и в то же время сама по себе давала огромный эффект, подымая санитарное состояние заниженных территорий и ограждая их от бедствий затопления и подтопления при ежегодных малых нагонных наводнениях.

С трудом удалось мне подвинуть инженеров-проектировщиков на пересмотр вопроса очередности развёртывания и осуществления проекта ограждения Ленинграда от наводнений.

Несмотря на то, что в первой половине 1947 г. я был чрезмерно перегружен научной и лекционной работой в двух институтах, составлением отзывов и выступлениями в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям (Векслера, С. П. Попова, Коломийцева и др.), я, тем не менее, охотно откликнулся на приглашение Р. Н. Зельдовича¹ выступить на конференции Института коммунального хозяйства с обобщающим докладом о задачах и перспективах развития коммунального строительства в условиях послевоенного восстановления.

Конференция проходила в ленинградском Доме архитекторов, в одном из известных пышностью художественно-архитектурной отделки прежних петербургских особняков. Я выступил против принижения значения коммунального строительства и хозяйства, как системы обеспечения реальных и первоочередных запросов населения на удобное, здоровое, технически хорошо оборудованное жилище, на всестороннее благоустройство населённых мест. Только при удовлетворении этих запросов следует думать об архитектурно-художественном оформлении всего города, отдельных жилых комплексов и каждого отдельного жилища. Жилищно-коммунальное, инженерно-техническое и санитарно-гигиеническое строительство и оборудование населённых мест — это такое же призвание, как и призвание художника и архитектора. Этими положениями было проникнуто моё определение задач и перспектив послевоенного восстановления Ленинграда.

¹ Зельдович Рафаил Наумович — доцент, заведующий кафедрой экономики и организации городского хозяйства в Ленинградском инженерно-экономическом институте.

Доклад мой собрал большую аудиторию, в которой было немало моих прежних слушателей 1923–1933 гг. по Институту коммунального хозяйства, и встретил полное понимание и одобрение. К моему большому удовлетворению, доклад был без всяких искажений напечатан в трудах конференции.

В течение весны и всего лета я руководил также подготовкой докладов ко Всесоюзному санитарно-эпидемическому съезду в Москве, намеченному Наркомздравом СССР на начало осени. Постановлением Наркомздрава я был включён в состав организационного комитета съезда. На заседании ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОВГО) я предложил свой план подготовительных работ по организации съезда и мобилизации широкого к нему внимания санитарных врачей и гигиенистов. Общество выбрало комиссию из представителей гигиенических кафедр для обеспечения своевременной заявки и предварительного рассмотрения докладов к съезду. Руководство работой этой комиссии в течение всего лета поглощало у меня много времени.

В конце мая сильно ухудшилось состояние здоровья Любови Карповны. У неё была признана двусторонняя пневмония. Положение больной было настолько тяжёлым, что скорая помощь поместила её в Лесновский стационар на Новосильцевской улице. Ежедневно, возвращаясь домой, я навещал ослабевшую, но мужественно подчинявшуюся всем процедурам и сульфамидовому лечению Любовь Карповну. Выздоровление шло очень медленно. Лежавшие вместе с нею больные с трогательным вниманием относились к Любови Карповне и делились с нею своими житейскими горестями.

20 мая было получено известие о смерти А. В. Молькова. Он был одним из учредителей Гигиенического общества и председателем центрального правления. Вся его деятельность с конца 90-х гг. XIX в., как санитарного врача и председателя Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний, как директора Института социальной гигиены и организатора кафедры и Музея социальной гигиены, как крупного работника по школьной гигиене, прошла непосредственно на моих глазах. В экстренном траурном заседании ЛОВГО я попытался обрисовать неутомимую общественно-санитарную деятельность Альфреда Владиславовича и его заслуги перед отечественным здравоохранением.

В конце учебного года — 3 июля, я с обычным увлечением провёл экскурсию с закончившимся циклом жилищно-коммунальных врачей в гор. Пушкине. К экскурсии присоединились члены Гигиенического общества, в том числе А. П. Омельченко, профессора А. Я Гуткин и Н. З. Дмитриев, С. П. Попов и др. Участники этой экскурсии воочию могли убедиться в том, какие неисчерпаемые, редкие, замечательные возможности для создания благоустроенного, здорового жилищного комплекса для многих десятков тысяч людей остаются неиспользованными на территории лежащего в руинах гор. Пушкина, с его парками, канализацией, водопроводом, и как на пути к этому использованию стоит непреодолимая стена косности и бюрократизма.

На следующий день я выехал вместе с сотрудниками кафедры коммунальной гигиены — профессором К. О. Поляковым и доцентом А. Г. Малиенко-Подвысоцким и с членами кафедры общей и пищевой ги-

гиены ГИДУВа — Романовым и Даниловым в районный центр Оредеж для прочтения лекций и проведения шефской работы ГИДУВа над учреждениями здравоохранения этого района.

Эта поездка в Оредеж живо встаёт в моей памяти. Я тщательно подготовил весь план работы: мою лекцию об изучении санитарных условий и состояния здоровья населения в Оредеже и Оредежском районе; программу совещаний медицинских и санитарных работников района; темы для лекций сотрудников и пр. Многочасовой путь по железной дороге я предполагал использовать для коллективного обсуждения этого плана. Но случайно мне было дано ошибочное указание о времени отхода поезда. Около четырёх часов я попал на вокзал и узнал, что поезд уходит не в 4 ч. 15 минут, а в 4.05. Я поторопился на указанный номер платформы, и в то время, когда я был в нескольких шагах от поезда, он тронулся. Я бросился за ним. Понимая, в каком трудном положении окажутся товарищи, ожидавшие меня в одном из вагонов, я вскочил в последний вагон, с трудом догнав его. Это было чисто импульсивное движение. Только очутившись на ступеньке вагона, я отдал себе отчёт о недопустимости моего поступка. На этот раз дело окончилось благополучно. Получив вполне заслуженный нагоняй от проводника, я на первой же остановке успел пересест в следующий вагон, в котором и доехал до Оредежа в полном неведении, находятся ли в этом же поезде все остальные участники нашей шефской поездки.

В вагоне, в который я перешёл, мне предложил место случайно ехавший в нём профессор Е. И. Цукерштейн¹. Лично я мало был знаком с ним. Его выступления в Учёном совете ГИДУВа не всегда вызывали у меня положительное впечатление, но я слышал как-то отзыв о нём А. А. Штакельберга, прошедшего в 1938 г. несколько месяцев в одной камере с ним в Большом доме, как о человеке широко образованном и умном. В качестве случайного спутника профессор Цукерштейн оказался очень общительным. Он много рассказывал о Д. Д. Гримме² и его жене Вере Ивановне (бывшей Дитятиной), с которыми я был лично знаком с 1894 по 1908 г. Совершенно новым был для меня его рассказ о тогдашнем директоре ГИДУВа Г. А. Знаменском. По словам профессора Цукерштейна, генерал-майор медицинской службы профессор Знаменский вскоре после его назначения на должность директора ГИДУВа, в 1946 г., в узком кругу знакомых говорил, что он считает своей задачей очистить от евреев профессорско-преподавательский состав Института: «Из ЖИДУВа сделать ГИДУВ». Впервые тогда мне стала ясна черносотенная антисемитская линия, проводившаяся Знаменским, когда он не допускал в аспирантуру некоторых представленных мною кандидатов.

По приезде в Оредеж мы остановились в доме для приезжающих, который заменял в этом райцентре гостиницу (типа прежних постоялых дворов). В двух-трёх комнатах — по несколько кроватей с чистым постельным бельём; общая умывальная и столовая, где в определённые часы можно было получить чай, обед, ужин. Порядок, чистота и убранство не оставляли желать

¹ Цукерштейн Е. И. — известный клиницист и учёный в области эндокринологии, внутренних болезней, диабета.

² Гримм Д. Д. — известный юрист, специалист по римскому праву.

лучшего. В то же время моё внимание было привлечено к отсутствию каких-либо признаков строительного и санитарного благоустройства. У входа в дом стояла лужа, и не было никаких лотков для отвода воды. В единственную для всего дома уборную нужно было пройти через узкий проход во дворе по глубокой грязи; обширная выгребная яма под стульчаком ничем не закрывалась и через отверстие в её содержимом видны были мириады личинок мух. Неудивительно, что во всех комнатах от мух не было спасения.

Улицы в Оредеже представляли собой необъятной ширины проезжие дороги, по сторонам которых беспорядочно были разбросаны дома. Сколько это создавало ненужных пустых разрывов, затрудняющих всякое благоустройство улиц. По привычке, я рано утром предпринял прогулку по окрестностям посёлка. На колхозном поле осмотрел гумно, подле которого стояли под открытым небом сельскохозяйственные машины. Посевы пшеницы густо поросли сорняком. За полем — мелколесье. Всё запущено, скудно.

После завтрака мы прошли пешком с К. О. Поляковым в районную больницу, удалённую более чем на 3 км от Оредежа и от амбулатории, и подробно осмотрели лечебные помещения и подсобное хозяйство. Колодец, откуда носят воду, — среди луга в низине, без сруба. Уборной во всём верхнем этаже больницы нет. В смысле гигиены — всё плохо, а заведующий, врач, как будто симпатичный, но без всякого понимания и стремления к больничному благоустройству и гигиене. В больнице много дистрофиков — детей и взрослых.

После совещания в Оредежском райздраве в доме партпросвещения прошла конференция врачей. Я прочёл лекцию о задачах санитарного благоустройства посёлка и учреждений здравоохранения. Затем был доклад Романова о пищевых отравлениях. Вечером мы осмотрели железнодорожную амбулаторию и родильный дом. А на заключительном совещании обсудили возможные меры для достижения благоустройства.

Возвращаясь из Оредежа, я несколько часов смотрел из окна вагона: привычная картина преобладания невозделанных пустырей, покрытых кое-где зарослями кустарников, неустроенного мелколесья и нераспаханной, впусе лежащей земли.

Летним перерывом в лекционной работе мне хотелось воспользоваться для непосредственного ознакомления с начавшимися, наконец, работами по строительству канализации в центральных частях Ленинграда. Ввиду сокращения ассигнований, работа велась только по сооружению перехватывающего коллектора по правому берегу Фонтанки. Чтобы избежать трудностей пересечения с многочисленными трубопроводами, заложенными на разной глубине (ливневая канализация, водопроводные магистрали, теплофикация, газопровод и пр.), коллектор прокладывался на глубине 12–18 м тоннельным способом. Велась щитовая проходка с закреплениями тубингов (по типу строительства тоннелей московского метро). В управлении строительства охотно пошли навстречу моему желанию осмотреть всё производство работ по проходке тоннеля. Главный инженер, считавший себя моим учеником, так как когда-то слушал мои лекции в ЛИКСе, вместе с другими руководителями строительства показали мне надземную станцию для замораживания грунтов, нагнетания воды в гидравлические

прессы, продвигающие щиты, компрессорную установку. Это был целый завод с разными цехами. Затем мы спустились на глубину 17 м и по готовой уже части тоннеля прошли несколько сот метров до работавшего щита. По пути знакомимся с механической откаткой вагонет с вынутой землёй и с откачкой воды. После заделки тьюбингов, бетонирования и облицовки сооружаемого канала сточные воды должны были самотёком пройти около 3 км. Затем у устья Фонтанки их надлежало поднять мощными насосами с глубины 17–18 метров и по напорным трубам сбросить в Невскую губу.

Сооружение тоннеля для перехватывающего канала — весьма сложное и дорогое дело. Требовалось соорудить мощную водоподъёмную станцию для поднятия сточной воды из глубины 16–18 м на станцию для выделения из неё ила. После этого по напорному илопроводу осадок (ил) должен был отводиться на поля у Стрельны, а сточная жидкость под напором спускаться в один из фарватеров Невской губы. Зачем же, думал я, спускать сточную воду в глубокий коллектор, чтобы она могла самотёком пройти два-три километра, а затем опять её подымать? Не проще ли, по типу берлинской радиальной канализации, из разных мест, где сточные воды подходят к Фонтанке, сразу по напорным трубам направлять их на предназначенные для орошения земельные участки к югу и востоку от Ленинграда, с последующим выпуском уже дренажных чистых вод с полей, либо передавать сточные воды по напорным трубам (меньшего сечения) на поля совхозов и колхозов для удобрительных и поливных целей?

Хорошие воспоминания остались у меня от работы в качестве постоянного консультанта в 1947 г. в Областной санитарно-эпидемиологической станции, пока руководящую роль играли там Г. И. Оримович¹ и Л. Е. Ривин². Там сложился дельный коллектив молодых инициативных санитарных врачей, и мне казалось, что моя консультативная помощь не напрасна.

От постоянной напряжённой работы я отдыхал во время своих поездок в г. Пушкин. В годы, когда летом у Екатерины Ильиничны жил готовившийся к выпускным экзаменам в Академии Илик, я с ним предпринимал вечерние прогулки по парку, по берегу нижнего пруда и по соседним рощам и лугам. Как-то забывал я при этом обо всех трудностях, отдыхал от мучивших всегда тревожных вопросов. ...Точно не прошло после прежних моих прогулок с 10-летним сыном и недели, а ведь пронеслась целая историческая эпоха. От прежнего Детского села остались одни развалины, от санатория Дома учёных — ни следа. Через поросшие теперь сорняками его бывшие владения мы ходили прямо к коттеджам Всесоюзного института растениеводства (ВИРа). Стройные дубы аллеи соединительного парка были изуевлены сплошь осколками бомб и снарядов, иные дубы свалились. От берёз и елей остались только пни, либо голые стволы. Среди зарослей местами зияли огромные воронки от взрывов авиабомб в 1–2 т (воронки — 16 м в поперечнике). Здесь стояла тяжёлая немецкая артиллерия, обстреливавшая

¹ Оримович Г. И. — специалист по детским инфекционным болезням, был начальником Областной госсанинспекции.

² Ривин Л. Е. — один из инициаторов и руководителей реорганизации санитарно-эпидемиологической службы в Ленинграде в 1945–1947.

Ленинград. Теперь эти воронки обратились в круглые пруды, окружённые вокруг валами вывороченного при взрыве песка. Эти воронки напоминали украинские «кружки» среди полей: круглые озёрки, глубокие настолько, что они питаются родниковой водой, не замерзают зимой и на них зимуют утки и гагары. «Не возникли ли эти «кружки» от падения метеоритов, болидов?» — фантазировал я, смотря на эти возникшие от падения бомб и крупных снарядов правильной формы круглые пруды.

До войны, во время прогулок в 1922–1940 гг. в соединительном парке по лужайкам у дубовой аллеи, по низинам, поросшим кустами ив и ольхи, в лесных опушках с елями и лиственницами меня всегда поражало неисчерпаемое богатство природы, разнообразие видов растений и цветов... Теперь же, в 1946–1952 гг., опять гуляя в привычных знакомых местах, искажённых глубокими воронками, мне казалось, что нет прежнего богатства природы, однообразна зелёная лужайка, не видно желтоголовок и вероник, колокольчиков и горечавок. Нет и прежнего обилия бабочек и стрекоз, не слышно непрерывного пения зябликов, славок, певчих дроздов, а на опушке с поля не слышно всегдашнего пения жаворонков. Вся природа обеднела звуками, красками, неумолчным движением. Но, останавливаясь и сосредоточенно всматриваясь вокруг себя сквозь туманную лесную дымку, вслушиваясь и вдумываясь, я понял, что это сам я стал менее восприимчив, а не природа обеднела.

Изоляция от богатств и неисчерпаемости движений в природе произошла вследствие ослабления моего зрения и слуха. Я уже не вижу в траве мелких цветов и мелких бабочек. Нет прежней остроты слуха, нет прежней восприимчивости к таинственным шорохам, трепету листьев, жужжанию насекомых. Отмерла не природа, а я перестаю постепенно жить с нею — умираю я. Когда наступает смерть? Тогда только, когда прекратилось дыхание и перестало биться сердце, или много раньше — шаг за шагом, когда слабеет зрение, выпадает один, другой зуб, утрачивается тончайшая и затем более заметная чувствительность и отзывчивость, тускнеют восприятия — подвигается к своему завершению замирание и омертвление человека.

Лишь в памяти живут замечательные минуты радостного настроения от красоты вечерних картин на берегу нижнего пруда в парке ВИРа, со склонившимися до самой воды ивами над тихой гладью пруда, с тёмными силуэтами огромных лиственниц. Как часто ранним утром я проходил в полном одиночестве по береговой полосе нижнего пруда и вокруг полуразрушенного дворца Палей... <...>

Крупным событием в жизни санитарных организаций СССР, кафедр гигиены и в моей личной жизни был Всесоюзный съезд гигиенистов, санитарных врачей, эпидемиологов и микробиологов, проходивший в Москве осенью 1947 г. Съезд был очень многолюден и хорошо организован. Работал он в театральном зале Дома Правительства. Приятно было встретиться со старыми товарищами по санитарной работе и с выросшею новой молодой сменой гигиенистов и санитарных врачей. Прошло более полутора десятков лет после предыдущего всесоюзного санитарного съезда. В этот чрезвычайно затянувшийся межсъездовский период сильно поредели ряды прежних наиболее активных санитарных работников. Не стало Д. К. За-

болотного, М. М. Грана¹, Н. И. Тезякова, Л. А. Тарасевича², П. И. Куркина, С. Н. Игумнова, В. А. Левицкого, С. И. Каплуна³ и многих, многих других.

Полную активность и энергию в работе съезда проявляли Н. А. Семашко, А. Н. Сысин, А. Н. Марзеев⁴, Н. Н. Литвинов⁵ и хорошо сработавшаяся группа бактериологов, эпидемиологов и микробиологов — Л. А. Зильбер, И. И. Рогозин⁶ и другие.

Съезд внёс большое оживление и вызвал несомненный подъём в работе гигиенистов и санитарных врачей, способствовал объединению работы гигиенических кафедр, научно-исследовательских институтов и санитарно-эпидемиологических организаций, содействовал внедрению новой организационной основы всего санитарного и противоэпидемического дела путём создания сети санитарно-эпидемиологических станций и санитарно-эпидемиологических советов при них.

Лично я работал в специальной комиссии по выработке общего положения о санэпидстанциях и санитарно-эпидемиологических советах, председательствовал на одном из общих собраний съезда, был членом президиума и сделал доклад по коммунальной гигиене в период послевоенного восстановления населённых мест.

На банкете послесъезда с большой речью выступил министр здравоохранения СССР генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов⁷. Главным содержанием его речи был призыв сосредоточить все усилия на объединении больниц с поликлиниками, что должно было обеспечить большую степень квалифицированности врачебной помощи, повышение квалификации самих врачей. А от этого выиграет и санитарное дело. В хоре последующих речей (Н. А. Семашко, И. И. Рогозин и др.) восхвалялась и превозносилась мудрость нового министра.

Пожелав Министерству здравоохранения успеха в скорейшем проведении этой реформы, я отметил, что единство амбулаторной и больнич-

---

¹ Гран Моисей Маркович — профессор, ученик Н. А. Семашко, один из старейших деятелей общественной медицины, социал-гигиенист, организатор здравоохранения, историк медицины.

² Тарасевич Л. А. — профессор, ученик И. И. Мечникова, специалист по иммунологии и лечению туберкулёза, его именем назван Государственный научно-исследовательский институт стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов.

³ Каплун Сергей Ильич (?–1943) — профессор, директор Государственного НИИ охраны труда, автор первых программ и пособий по охране труда; заведовал кафедрой гигиены труда на медицинском факультете 1-го МГУ (позднее 1-й ММИ).

⁴ Марзеев Александр Никитич (1883–1956) — профессор, специалист по коммунальной гигиене. Первым в стране начал изучать загрязнение атмосферного воздуха; в 1931–1956 был директором Украинского института коммунальной гигиены, которому было присвоено его имя; академик АМН СССР.

⁵ Литвинов Н. Н. — член-корреспондент АМН СССР, заведующий кафедрой общей гигиены и экологии (1958–1962), затем — директор НИИ им. Сысина.

⁶ Рогозин И. И. (1900–1973) — советский эпидемиолог.

⁷ Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) — начальник Главного военно-медицинского управления (1939–1947, 1955–1960); министр здравоохранения СССР (1947–1953); академик АМН (1948).

ной помощи, понимание значения отбора на койку и проведение лечения больных в стационаре самими участковыми врачами всегда рассматривалось санитарными врачами как основная мера для полного выявления всех заболеваний и, тем самым, полного контроля за здоровьем населения. На почве этого контроля, на почве изучения характера обнаруженной заболеваемости и учёта заболеваний должна строиться вся система санитарной деятельности по оздоровлению условий, в которых обнаружены заболевания.

Министр очень усердно опустошал свой бокал в ответ на каждую речь, и это заметно сказывалось на ослаблении тормозных функций. Совершенно без всякого обоснования он разразился потоком злобных нападок на вредные земские традиции и предостерегал от следования земскому санитарному направлению. Позднее вся деятельность Е. И. Смирнова в качестве министра здравоохранения подтвердила отсутствие у него глубокого понимания сущности и значения санитарно-профилактических основ организации советского здравоохранения.

Летом и осенью 1947 г. я потратил много времени на тщательный разбор и составление отзыва в качестве официального оппонента на докторскую диссертацию Дмитрия Николаевича Лукашевича. Это был талантливый лектор, солидно знавший историю и значение санитарного просвещения, вознесённый до генеральского чина и до должности начальника Военно-медицинской академии. Проработав на кафедре организации здравоохранения и истории медицины много лет, он выбрал темой своего исследования историю возникновения и развития деятельности Красного креста до 1918 г. Его диссертация представляла собой солидный двухтомный труд и основывалась на глубоком изучении обширных материалов. Не знаю в точности, в какой связи фортуна повернулась спиной к Дмитрию Николаевичу. После представления мною и другими официальными оппонентами положительных рецензий защита довольно долго не назначалась, затем несколько раз по распоряжению из Москвы переносилась и откладывалась на неопределённый срок. Короче, в 1947 г. мы так и не дождались указаний о конкретном сроке защиты, а затем вопрос сам собой отпал вследствие неожиданной смерти Д. Н. Лукашевича.

Вспоминаю некоторые трения, возникшие у меня в связи с назначением меня официальным оппонентом по докторской диссертации О. М. Векслера «Судьба больных спондилитом». В основном это был патолого-анатомический и клинический труд, основанный на изучении обширных материалов ленинградского Института хирургического туберкулёза. Но автор поставил перед собой задачу также изучить и социально-гигиенические стороны проблемы поражения туберкулёзом позвоночника у людей. В связи с этим он пользовался статистическим методом и, в частности, устанавливал среднюю длительность течения разных стадий спондилита и касался при этом вопроса о средней продолжительности жизни при туберкулёзном поражении позвоночника.

Тщательно ознакомившись с диссертацией, я с полным удовлетворением отметил её крупные достоинства. Было очевидно глубокое знание автором исследуемого вопроса. Не вызывали сомнения литературные

достоинства, правильный социально-гигиенический подход и трактовка проблемы автором диссертации. Разумеется, я указал и на некоторые спорные и ошибочные методические приёмы в статистических построениях соискателя при исчислении средней продолжительности жизни спондилитиков, но в общем выводе давал вполне положительную оценку труда. Когда мой отзыв был уже готов, ко мне обратился профессор Е. Э. Бен с сообщением, что он вместе с другими представителями санитарной статистики — Л. С. Каминским¹ и С. А. Новосельским считают необходимым предупредить меня о невозможности допустить к защите труд Векслера ввиду неправильности применённого в нём метода исчисления средней продолжительности жизни спондилитиков. Я никак не мог согласиться с таким мнением. На совещании группы вполне авторитетных и уважаемых мною специалистов по санитарной статистике, я, выслушав все их доводы, просил их выступить с возражениями на диспуте при защите автором диссертации, моё же положительное заключение оставалось непоколебленным.

Нужно сказать, что защита Векслера в Учёном совете ГИДУВа прошла очень благоприятно. Диссертант проявил большой дар ясного сжатого изложения. Все три официальных оппонента единодушно высказались положительно о диссертации. К моему удивлению, ни профессор Е. Э. Бен, ни Л. С. Каминский, ни С. А. Новосельский участия в диспуте не приняли.

Очень много труда вложил я в 1947 г. в тщательный редакционный просмотр труда Богданова и Краковяка «Руководство по гигиене для специальных физкультурных вузов». При просмотре этой работы я по просьбе авторов не только прочитывал и вносил поправки в главу за главой, но каждый раз имел длительную беседу и давал советы обоим авторам. Помню, какое изумление вызвало у меня то, что в предисловии авторы ни слова не сказали о моей помощи в их работе над руководством.

Большое удовольствие доставило мне участие в ноябре 1947 г. в учредительном собрании ленинградского Общества садового плодового хозяйства. Собрание было очень многолюдным. На призыв принять участие в работе Общества откликнулось много любителей-садоводов и энтузиастов озеленения города. Я подробно осветил значение включения плодовых деревьев в ассортимент насаждений на улицах и в общественных скверах и парках и затем принял непосредственное участие в работе соответствующей секции Общества.

Светлым пятном в моих воспоминаниях о 1947 г. остаётся большое впечатление, которое произвела открытая в ноябре в Михайловском манеже выставка восстановления ленинградской промышленности. Перед Михайловским манежем появилась высокая, построенная из металлических ферм башня-мачта, выставлены были крупные автобусы, троллейбусы и судна речного трамвая, производимые восстановленными ленинградскими

¹ Каминский Лев Семёнович (1889–1962) — профессор ГИДУВа, начальник отдела санитарной (затем — медицинской) статистики Наркомата здравоохранения СССР (1935–1943 гг.); с 1943 по 1956 — начальник кафедры военно-медицинской статистики ВМА.

заводами. А в самом манеже были показаны в действии станки и машины, насосы, гидротурбины, крупные радиолокационные установки и целые отрасли пищевой промышленности, точного машиностроения и пр. Много раз заходил я на выставку и всякий раз с огромным интересом и радостью убеждался в подлинных успехах и достижениях в восстановлении и реконструкции основных отраслей промышленности Ленинграда.

Много интересных впечатлений осталось у меня от поездки в декабре 1947 г. в г. Горький для участия в расширенных заседаниях Постоянного бюро водопроводных и санитарно-технических всесоюзных съездов. После смерти авторитетного, энергичного Павла Семёновича Белова¹, бывшего в советский период поистине душой в деле организации этих съездов, в течение многих лет они не созывались, и личный состав Постоянного бюро не переизбирался, оставаясь в том составе, какой был избран ещё до войны. За истекшие годы не стало таких видных деятелей Постоянного бюро, как Я. Я. Звягинский, В. Е. Тимонов, З. Н. Шишкин, П. Ф. Горбачёва. Жизнь Постоянного бюро, ставшего теперь ВНИТО водопроводных и санитарно-технических съездов, и издание его органа «Санитарная техника» поддерживались неутомимой работой Николая Ивановича Фальковского², благодаря которому в 1938 г. было созвано расширенное заседание Постоянного бюро совместно с Облисполкомом города Сталино для специального рассмотрения вопросов постройки нового водопровода и канализации в этом городе. Это заседание фактически вылилось тогда во всесоюзный съезд. Теперь Н. И. Фальковский вновь воспользовался обращением в Постоянное бюро за консультацией и экспертизой по расширению водопровода и по проекту канализации горьковских властей и осуществил совместные заседания Постоянного бюро с Облисполкомом и многочисленными научными и практическими специалистами г. Горького. В программу горьковского съезда были включены доклады крупнейших специалистов из Москвы — профессора В. Т. Турчиновича³ по новейшим течениям в очистке питьевых вод, С. Н. Строганова и ряда других. Центральное место отведено было докладам руководящих профессоров Института коммунального строительства в Горьком. Н. И. Фальковский приезжал в Ленинград, чтобы обеспечить участие ленинградских представителей Постоянного бюро в съезде. Моя поездка была облегчена большою любезностью главного инженера ленинградского водопровода В. И. Липкина. Все путевые заботы по получению билетов и пр. были с меня сняты. Вся поездка проходила совместно с ним и с инженером по канализации Г. Г. Шигориным.

¹ Белов Павел Семёнович (1874–?) — известный инженер, специалист в области проектирования, строительства и эксплуатации канализационных и санитарно-технических сооружений в СССР 1920–1930-х гг.; с 1919 — бессменный председатель Постоянного бюро водопроводных съездов и редактор их трудов.

² Фальковский Николай Иванович (1885–1952) — профессор, инженер-полковник, заведующий кафедрой водоснабжения и канализации Военно-инженерной академии им. Куйбышева.

³ Турчинович В. Т. — профессор, крупный учёный в области гидравлики, моделирования и технической очистки воды.

Мы приехали в Горький рано утром. Нас встретил уполномоченный от ВНИТО. В Большом вокзальном зале привлекла внимание скульптура А. М. Горького в годы его странствий. Нам был отведён номер из двух комнат в гостинице в центре города. Гостиница старой постройки, рассчитанная когда-то на участников Нижегородской ярмарки.

Чтобы использовать время до заседания, мы вышли посмотреть город. Переулок, где располагалась гостиница, упиралась в кремлёвскую стену. Широкий пролом в ней вывел нас в кремль. В отличие от Московского Кремля, в горьковском были обширные незастроенные пространства. Снег от продолжительной оттепели всюду стаял, и мы направились через незастроенный простор по направлению к Волге. По склонам у стен кремля местами зеленела трава. Внизу — необъятная Волга и заволжские дали. Мы находились на отметке 184 м над уровнем моря и на 120 м над Волгой. Осмотрели угловую башню с видами на ярмарочную часть за р. Окой. Прошли через весь кремль к памятнику Минину, затем через кремлёвские ворота, построенные в 1508–1511 гг., прошли к памятнику Чкалову. Великолепна набережная Волги с крупными зданиями Института и Краеведческим музеем в доме Рукавишникова. Я осмотрел этот музей на следующий день в промежутке между заседаниями. Интересно само здание, но ещё более интересны богатые материалы по истории города и его строительству, в частности — о пребывании в Нижнем Т. Шевченко и Н. Добролюбова и, разумеется, о позднейших нижегородских писателях горьковского периода.

Проходя по боковым переулкам и улицам в районе сквера с памятником Минину, мимо Педагогического, Сельскохозяйственного и Медицинского институтов, я обратил внимание на отсутствие в городе на тихих жилых улицах палисадников и придомовых газонов. Прямо к стенам домов примыкают тротуары. Все неудобства такого положения бросается в глаза в Горьком особенно наглядно. Очень многие дома имеют помещения в полуподвальных этажах. В заглубленных ниже поверхности тротуара нишах окон накапливаются уличный мусор, окурки, а регулярная очистка этих ниш затруднена.

Конференция (съезд), невзирая на то, что некоторые из докладчиков по программным вопросам не приехали (С. Н. Строганов, А. Н. Сысин), проходила очень оживлённо. Главные доклады о перспективах коренного переустройства водоснабжения Горького и горьковского промышленного комплекса, а также по проблеме канализации были подготовлены выдающимися местными специалистами — главным инженером горьковского водопровода Н. И. Трапезниковым и профессором горьковского Института инженеров коммунального строительства Пискуновым. Они внесли, помимо специального знания, непосредственный живой интерес к продвижению в жизнь правильного и скорейшего решения этих жизненно важных для населения вопросов.

Научное обсуждение было совмещено с награждением выдающихся работников премиями в связи с юбилейной датой существования водопровода. Мне пришлось председательствовать на этом заседании, и своё вступительное слово я посвятил вопросу о необходимости и значении совместной

работы в области санитарного благоустройства инженерно-технических и санитарно-гигиенических сил. Накануне обсуждения «водопроводных» докладов была организована поездка для осмотра водоочистой станции и мест забора воды из Оки.

Очень интересной оказалась экскурсия по лабораториям и другим учебно-вспомогательным учреждениям горьковского Инженерно-строительного института: осмотр гидравлической лаборатории, рентгеновского кабинета, архитектурно-строительного музея, физического кабинета, микробиологического кабинета и особенно музея и лаборатории по водоснабжению и канализации. Подобное ознакомление студентов с организацией практических работ и увязка этих работ с теоретическим преподаванием оставило у меня впечатление очень серьёзных достижений горьковчан в этом отношении.

Как теперь вошло в обиход, Облисполком устроил для участников конференции концерт с участием лучших оперных сил.

Подводя итог 1947 г., я отметил в своей записи в последний его день, что над всеми пережитыми в нём событиями стояло понимание, что самая большая ценность из всех доступных нам в нашей жизни ценностей, это близкие люди, наши друзья, а их с каждым годом оставалось у меня всё меньше. Ослабевают, стираются нити тесной внутренней взаимопринадлежности, а новых, свежих за десятки последних лет образуется мало. Это был самый трагический для меня итог истекшего года. И ещё, как общий внутренний, наполняющий и гложащий меня голос, — не столько ясное сознание, сколько преследующее меня смущение — огромная масса невыполненных задач, стоящих передо мною. Число их, их размеры растут беспощадно, а успеть их выполнить уже для меня непосильно!

1948–1954

Лето и осень 1948 г. связаны с наиболее тяжкими, невыносимо горестными переживаниями в личной жизни. С тех пор прошли уже десятки лет, но мысль восстановить в памяти долгую, полную волнений и тревог болезнь и последовавшую затем смерть Любви Карповны и глубоко волновавшие меня отношения дочерей между собой и по отношению ко мне, — даже сама эта мысль так тягостна и мучительна, что мне легче привести относящиеся к этому времени выдержки из повседневных записей в дневниках со 2 июня по сентябрь 1948 г., чем сосредоточиваться напряжённой работой памяти на восстановлении этой полосы жизни.

2 июня 1948 г. На заседании Научно-методического бюро санитарной статистики слушал прекрасный, составленный с большим пониманием доклад Зиночки о сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН и о конференции по ликвидации санитарных последствий войны. После её доклада — моё сообщение о значении и содержании сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН.